

твоя история, университет

Университет в истории России: свобода, равенство, братство

из блокнота редактора

«Традиции и история университета – это огромное наше богатство, которое трудно переоценить. И очень важно относиться к нему ответственно и бережно. Те, кто сегодня изучает историю университета, должны чувствовать особую ответственность. Требования к такому историку, как к врачу, для которого важен принцип «не навреди». Действительно, от того, как мы воспринимаем наработанное нашими предшественниками, зависит наше видение будущего, да и сегодняшнее решение, и поступки. Многое меняется в жизни людей: появляются новые машины, облегчающие жизнь, создаются новые художественные произведения, ее украшающие, начинают работать новые технологии, меняющие представления о возможностях человека. Ставятся доступны космос и глубины океанов, недра Земли и вершины самых высоких гор, но человек остается тем же, кем был и век, и три века назад: так же любит, так же страдает, так же мужественно пытается объяснить свое бытие и так же не находит ответа на эти вопросы. Мне кажется, что опыт поколений – это скорее технологическая сумма знаний, нравственный же опыт каждое поколение приобретает в мучительных поисках, вновь и вновь. И в этом смысле современный студент, которому еще предстоит искать ответы на фундаментальные вопросы бытия, и человек ломоносовской эпохи, и соратники Чернышевского близки и понятны друг другу».

Л.А.Вербицкая, ректор СПбГУ
2 декабря 2002 г.

Говорить и писать на тему «Петербургский университет» очень непросто. Не только потому, что наш университет – слишком сложная организация, отражающая почти весь спектр современной науки, один из самых известных образовательных центров в мире, а потому, что в юбилейные дни почти невозможно удержаться и не впасть в риторику. Размышая о том, что объединяет все эти формы многоукладной жизни, чем жив СПбГУ, что в его истории было главным, когда и как были заложены векторы его развития, позволившие ему не просто выживать во все смутные времена, но и полноцен но жить, трудно не дать волю прекрасным словам о неком едином начале, об особом воздухе, которым мы дышим. Ставясь оставаться на твердом грунте реальности, мы обратились за помощью к директору Музея истории университета И.Л.ТИХОНОВУ, представителю строгой науки фактов.

– Игорь Львович, как нам не поддаться мифотворчеству? Может быть, находясь под обаянием университетской особой атмосферы, работая в стенах одного из старейших учебных заведений России, мы просто упускаем из виду очевидное: положение столичного университета. Сюда съезжалось и здесь концентрировалось все лучшее в государстве – молодые люди, тянувшиеся к знаниям и посвятившие затем свою жизнь науке. А остальное – всего лишь слова, не слишком наполненные содержанием, не поддающиеся трезвому анализу, вроде слова «аура»?

– Нет, несомненно существует реальная почва, на которой университет стал тем, чем он стал. Прежде всего вспомним то, о чём мы сейчас не очень задумываемся: с начала XIX века не только наш университет, но и все российские университеты были, как это ни парадоксально, оstromками свободы в феодальной самодержавной монархии. Конечно, свободы в определенных пределах, но тем не менее... Посмотрите университетский устав 1804 года. Он предоставлял университетам огромную автономию. Скажите, в каком еще государственном учреждении, а университет – это государственное учреждение, руководителя выбирали? Не назначали сверху, а избирали ректора. Профессоров тоже избирали. Университет имел право присуждать ученые степени. Это элементы автономии, самоуправления. Трудно припомнить государственные структуры в позапрошлом веке,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве

<http://history.museums.spbu.ru/>

ситетах – самоуправление и автономия. Вся история университетского вопроса в царской России – это борьба за автономию и в определенные моменты – противодействие правительству, меры, принимаемые против этой автономии, смена либеральных уставов уставами, ставившими университеты под более жесткий контроль правительства. Устав 1804 года был невероятно либеральным для российской действительности того времени, поэтому в николаевское время он был заменен новым, более жестким уставом. В эпоху великих реформ Александра II, в 1863 году, университеты получают новый устав, снова достаточно либеральный, дающий им определенные права и свободы. После первомартовского убийства императора в 1884 году вводится устав, опять ставящий университеты под контроль власти.

Таковы колебания. Но интересно обратиться к воспоминаниям министра народного просвещения Делянова. Министр, в соответствии с последним уставом, имел право назначать профессоров университета своей властью. В отношении Петербургского университета Делянов ни разу не воспользовался своим правом, так как побаивался этого университета. Настолько велика была сила авторитета корпорации университетских профессоров. Это очень важно. А как студенты ценили эту небольшую автономию! То, что они были изъяты из ведения полиции, то, что их судил университетский суд, и прочие привилегии. Борьба за университетскую автономию очень часто перерастала в политическую борьбу. Потому студенты и были так активны в XIX веке.

А в начале XX века ситуация изменилась, и в первое десятилетие старый университетский устав был уже сковывающей силой, он не позволял открывать новые кафедры, новые факультеты, все это строго регламентировалось уставом. Неудивительно, что после революции, в 20-е годы, происходит очень быстрый рост университетов, открываются новые научные институты, новые кафедры, возникают новые направления в науке. Это была реакция на застой в университетской жизни, была сметена старая бюрократическая машина. Правда, в скором времени она была заменена новой, советской, во многом копировавшей самые худшие дореволюционные образцы, но все же на какой-то момент у инициативных ученых оказались развязанными руки, и они многое добились. Это, конечно, касалось лишь точных и естественных наук, с гуманитарными было сложней, гуманитарные и общественные науки были под большим подозрением со стороны советской власти и подвергались идеологическому прессу.

Автономия и самоуправление – это краеугольный камень университетского образования.

Если сравнивать наш университет с другими российскими университетами, то у столичного университета были плюсы и минусы его столичного положения, иногда минусы могли перевешивать плюсы. Такие университеты, как Казанский, Новороссийский, Дерптский, были во многом градообразующими структурами. Я осенью побывал в Казани и познакомился с университетом. Он всегда играл и поныне играет огромную роль в городе, это реальный культурный, образовательный и научный городской центр. И по сей день он пользуется вниманием властей. У него особое положение, а в XIX веке он был гордостью Казани. А в Петербурге было иначе. Университет был окружен императорскими дворцами, высшими государственными учреждениями, министерствами, и про него не скажешь, что это был центр города.

В середине XIX века университет становится центром науки, средоточием научной мысли, а не только кузницей кадров. Академия наук тогда занимала совершенно иное положение, она не имела разветвленной системы институтов, наука концентрировалась, в основном, в университетах.

Еще один важный фактор – светскость образования: университет существовал вне церковной традиции, здесь никогда не было теологического факультета, как везде в Европе. К свободам, о которых мы говорим, нужно прибавить и свободу от религиозных догматов.

К этим базовым принципам, автономии и свободе, следует, вероятно, прибавить и внимание правительства. Другое дело, что денег у университета никогда не было много, бюджет всего министерства народного просвещения в дореволюционной России в начале XX века, а это и среднее, и начальное образование, это и наука, и культура, был в десятки раз меньше, чем бюджет военного министерства, и эта тенденция прослеживается и сегодня. Но университетские профессора не были нищими, и деньги на науку всегда находились. Университет был в состоянии в конце XIX – начале XX века выстроить Физический институт и Химическую лабораторию, оборудованные по последнему слову европейской науки.

«Коллега» – так обращались профессора университета к своим студентам. «Я московский студент» – говорил про себя профессор Преображенский в «Собачьем сердце» Булгакова. Описания празднования Татьяниного дня у Чехова и Дорошевича, окрашенные во все цвета юмора, передают эту ауру корпоративности и братства. Трудно представить себе слова «Мы, ученые и педагоги...» в речи старого университетского профессора, разговаривающего со петербургскими или московскими студентами. «Студент» звучит более емко и точно, чем «потребитель образовательных услуг» или, не дай Бог, «наш клиент».

**С директором Музея истории СПБГУ И.Л.ТИХОНОВЫМ
беседовал А.ШУМИЛОВ**